

ОПАСНЫЕ СТРАСТИ

ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ
МЕЛОДРАМЫ

Читайте романы
Аллы Полянской
в серии «Опасные страсти»:

Одна минута и вся жизнь
Слишком чужая, слишком своя
Прогулки по чужим ночам
Моя незнакомая жизнь
Женщина с глазами кошки
Найти свой остров
Право безумной ночи
Невидимые тени
Часовой механизм любви
Невозможность страсти
Встреча от лукавого
Вдвоем против целого мира
Тайны виртуальной жизни
Вирус лжи
Если желания не сбудутся
Фарфоровая жизнь
Против ветра, мимо облаков
Кто на свете всех темнее
Ничего не возьму с собой
Когда ад замерзнет

АЛЛА
ПОЛНСКАЯ

ПРАВО
БЕЗУМНОЙ
НОЧИ

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Оформление серии *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

Полянская, Алла.

П54 **Право безумной ночи** : роман / Алла Полянская. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы).

ISBN 978-5-04-104488-6

Ольга твердо решила свести счеты с жизнью. Все равно в ней нет никакого просвета: бесконечные проблемы дома и на работе, дети выросли и она перестала быть им нужна, а самое главное — неожиданно настигшая ее несчастная любовь. Как она ни старалась, Виталий Марконов видел в ней всего лишь друга... От последнего шага вниз с моста ее удержал какой-то бородатый грубиян на внедорожнике. После этого Валера незаметно вошел в ее жизнь и легко справился со всеми проблемами. Вот только он не мог предвидеть, что в машину новой знакомой подбросят взрывчатку и погибнет главный бухгалтер фирмы, где она работала. А потом Ольгу еще раз попытались убить... Никто, кроме нее самой, не вправе определять, жить ей или умереть! Но как узнать, кто и почему на нее покушается?

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© PR-Prime Company, 2020

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-104488-6

1

Умирать от несчастной любви глупо. Особенно когда тебе под сорок, у тебя практически взрослые дети и есть какая-никакая карьера. Я знаю, что глупо, я знаю, что сказали бы друзья или знакомые, что подумают дети — если я буду такой дурой, что оставлю записку, где сообщу: мол, люблю Виталия Марконова, а он меня — нет, поскольку я выше его ростом и толстая, а он любит тощих. Да покажи мне такую предсмертную записку, я бы сама ржала, как стадо пожарников, до конца своих дней!

А потому я ничего писать не буду. Близнецы уже взрослые, обойдутся без меня. Я решу вопрос с квартирой, ну, и с прочими делами — и все, ребята, больше я в этой возне не участвую. Я устала тянуть этот воз, я устала быть одна и одна за все отвечать, я устала от того, что в моей жизни мне ни разу не попался нормальный мужик, а только неудачники, лодыри и ничтожества. И вот когда наконец он мне встретился — не неудачник, не лодырь и не ничтожество, то он со мной типа дружит. Потому что я здоровенная дылда с больной спиной, а не утонченная леди. Хотела бы я знать, как при такой рабочей нагрузке из меня можно сделать утонченную леди. Вот, тащу из машины сумки на шестой без лифта этаж — мне нельзя под-

нимать более трех килограммов, спина болит зверски. Но ребята там жрать хотят уже небось, а мать, видите ли, страдает из-за несчастной любви. Стыдно кому сказать — но реально я больше не могу этого терпеть.

— Мам, ну где ты ходишь? — Матвей берет у меня из рук сумку. — О, печенья не купила...

— Забыла.

— Ты ж еще не разделась — съезди.

— Да пошел ты...

Матвей остался стоять с открытым ртом, а я, сбросив туфли, бреду к себе в спальню. Боль в пояснице становится все сильнее, мне надо бы прилечь. Я очень люблю своих детей, но иногда меня достает то, что они относятся ко мне как к штатному повару, прачке, уборщице и говночерпию. И вот сегодня достало окончательно.

— Мам, а что кушать?

Это второй подал голос. Ну, ребята, ешьте что-нибудь, можете что-то сварить, а на меня больше не рассчитывайте, привыкайте сами заботиться о своем пропитании.

— Денис, кушать будете сегодня то, что сварили.

Мне вот любопытно: а когда я умру, они заметят мое отсутствие только по пустому холодильнику и отсутствию чистой одежды в шкафу?

— Дэн, иди сюда! Тут надо куки почистить, прежде чем грузить, а ты...

Все, я не слушаю. Мои дети-программисты, хоть еще и студенты, уже встряли в какую-то фирму, и в доме житья не стало от разговоров о... Бог знает, о чем эти разговоры, мне нет места на этом празднике жизни. Деньги они тратят на «железо» — их комната превращена в подобие склада компьютерной техники, и моя задача — не дать сыновьям пропасть с голоду.

Но теперь я думаю о своей рухнувшей жизни и о том, что я — плохая мать, наверное, если мои личные переживания для меня сейчас важнее интересов детей, но — так тому и быть. Да, важнее. Потому что я люблю Виталия, и надежды на взаимность у меня нет ни малейшей.

— Мам, дай пожрать, а?

Они похожи друг на друга как две половинки одной задницы — оба русоволосые, зеленоглазые, с прямыми бровями и пухлыми губами. Они оба похожи на Клима, но это все, в чем они на него похожи. Они — избалованные наглые сопляки, которые никогда не получали по морде. И это я их такими вырастила — все заботилась, чтоб им было не хуже, чем другим детям. Тем, у которых есть отцы.

— Я занята. Хотите пожрать — готовьте сами.

— Идем, Мэтт, у маман снова приступ буйства.

Переглянувшись, они исчезают у себя в комнате. Лет с четырнадцати они ведут против меня войну, мне уже кажется, что так было всегда — и победа много раз переходила из одного окопа в другой, с более или менее приемлемыми потерями, но война эта вымотала меня окончательно, а дети, похоже, только вошли во вкус.

И теперь на меня вдруг обрушилась любовь.

Абсолютно ненужная, нелогичная и всецело безответная, она упала мне на голову, как рояль на грузчика, и мне вдруг стала понятна моя жизнь — вернее то, что от нее осталось после смерти Клима. Работа, беготня с сумками и война с близнецами на фоне тотальной готовки, уборки и перманентной стирки с глажкой. Это — моя жизнь последние восемнадцать лет. А Марконов ездит по миру, живет в Испании, у него шикарная квартира в центре Питера, такая же —

в центре нашего города, где он почему-то предпочитает жить, у него большой бизнес, друзья-политики, приятели-миллионеры, и я совсем не вписываюсь ни в его жизнь, ни в его окружение, ни в его постель, потому что, ко всем моим недостаткам, я ростом выше его и совсем не модельных параметров. И если размер своей задницы я еще могу изменить, то возраст и наличие полного загона в жизни, а тем более близнецов — нет.

И выхода нет.

Я устала быть сильной, граждане, так что отныне копайте погреб без меня. А я завтра решу вопрос с недвижимостью, распределю средства — и айда, на том конце тоннеля меня заждался Клим. С ним я мигом забуду Марконова.

Мой сотовый, похоже, пора бы утопить — у него есть идиотская манера звонить по ночам и что-то требовать от меня голосом шефа.

— Ольга Владимировна, я забыл вам сказать днем, но хорошо, что вспомнил сейчас — вы подготовьте мне на завтра документы по дистрибуции с «Селеной».

— Сейчас одиннадцатый час, Сергей Станиславович, и документы в офисе.

— Но у вас есть ключ. Мне эти документы нужны утром, к половине девятого.

Это мой шеф вспомнил, что не доделал днем. Я подозреваю, что он — вампир, но я-то пока нет. Впрочем, уже неактуально.

— И что?

— Вы же на машине, поезжайте в офис, я предупредил охрану, что вы приедете, и я хочу, чтобы все было готово к утру.

— А мне хочется спать, — все равно я собираюсь покончить с собой — заодно покончу и с этим говню-

ком. — И если вы до сих пор не знаете, что звонить людям среди ночи — дурной тон, то пора узнать, вы уже достаточно большой мальчик. А если учесть, что мой рабочий день уже закончен, то документы для вас я начну готовить завтра. И они будут готовы не к половине девятого, а тогда, когда будут готовы, потому что по мановению волшебной палочки я ничего не делаю, это для вас новость?

— Ольга Владимировна, вы хорошо себя чувствуете?

— Как никогда. И если вы намекаете, что в моих услугах больше не нуждаетесь, то так тому и быть. Но я вам в рабы не нанималась, я финансовый аналитик, если вы забыли. Мой рабочий день и так длится шестнадцать часов, я восемь лет без отпуска, у меня один выходной, болею я тоже на работе. И если вы найдете другую дуру, которая станет работать на таких условиях столько лет — бог в помощь, но вот конкретно сейчас я ничем не могу вам помочь.

— Но это неприемлемо, я просто забыл вам сказать днем, так что же теперь, если завтра они приедут с утра, а я...

— Спокойной ночи, Сергей Станиславович. Заведите себе ежедневник.

Завтра я заберу оттуда свою чашку, оставлю ключи от служебной машины и уйду. Больше никто не будет мной помывать, никто не станет заставлять меня работать сутками, не будет беспокоить ночными звонками. Я пойду к нотариусу, оформлю собственность, потом к маникюрше — не хочу, чтобы патологоанатом считал меня неряхой, поеду посмотрю на Марконинова — и в путь. Хватит с меня этого дерьма!

Я иду на кухню и варю себе какао. Сейчас мне уже не надо беспокоиться о том, что сладкое какао с бу-

лочками слишком калорийно — я сто лет не пила его из соображений сохранения более-менее приемлемой фигуры, и булочки принесла только для близнецов, в их телах калории сгорают мгновенно. Но мое тело завтра превратится во что-то малопривлекательное, и его размер будет уже неважен. Уффф, до чего же вкусно...

— Ма, принеси и нам какао! И булочек!

Это, унюхав запах какао, голосит кто-то из моих троглодитов. Что ж, ребята, я выбрасываю белый флаг — войне конец. Я уже и забыла, как сильно вас люблю — а вы точно забыли, что я когда-то целовала вас на ночь, устраивала вам кукольный театр, пела песни, а вы прижимались ко мне с двух сторон и тихонько сопели. Мы долго воевали — и войну начали вы, но я ее закончу. Я уйду — я вам больше не нужна. Я никому больше не нужна, вот уже скоро двадцать лет. Я очень боялась смерти, когда вы были маленькими — боялась оставить вас одних, беззащитных и слабых. Я делала все, чтобы вы были сыты, одеты-обуты, чтоб у вас было все, что есть у других детей, а то и больше. И я все это вам обеспечивала. Но сейчас вы выросли и всем своим видом и поступками даете мне понять, что я в вашем уравнении совсем лишняя величина — я все надеялась, что это как-то изменится, но оно не менялось и не менялось, хоть бы что я ни делала. И если дома был только кто-то один из вас, я могла побыть ему матерью — каждому в отдельности. И это был мой ребенок — добрый, даже нежный. Но когда вы вдвоем, вы словно соревнуетесь между собой, кто измыслит более изощренный способ причинить мне боль. И мне этого больше не вынести, я не могу больше воевать с вами, и не хочу, потому что я люблю вас обоих так, как никого на свете. Правда, поймете вы это гораздо позже, но поймете непременно.

Теплый душ — наверное, уже последний в моей жизни.

Почему люди кончают с собой? Говорят, что это слабость, эгоизм, бог знает, что еще. Может, это и верно отчасти, но в основном люди уходят оттого, что тупик. Некуда идти, просто — некуда, нет выхода, *no exit!* — и баста, карапузики, уж эта дверь всегда открыта. Церковь, конечно, осуждает — ну, да Бог сам разберется, я считаю, не такой он дурак, чтобы всех под одну гребенку. Хотя глупо, конечно, от несчастной любви бросаться с моста, но боль сильна, и последнее перышко сломало спину верблюда. Главное, как-то дать детям понять, что это не из-за них, и чтоб никаких траурных маршей на похоронах. Ну, я что-то придумаю, время еще есть.

— Она стрескала все одна, Дэн.

— Да, говорят, у одиноких женщин иногда бывает хороший аппетит. Ай, горячо же! Какао долго остывает...

— Надо ее замуж выдать, что ли.

— И кто рискнет?

— Да... такого камикадзе нам найти не удастся.

Они знают, что я слышу это.

Я не помню, когда это началось. Просто в какой-то момент Матвей, глядя мне в глаза, спросил:

— А что ты мне сделаешь, если я не послушаюсь?

Мои объяснения насчет того, что поступать по-людски нужно не потому, что с тобой что-то могут сделать, а в принципе, не имели успеха. И с того момента они словно испытывают, как далеко могут зайти. Их двое, а я одна.

Я всегда одна. Давно уже. И теперь вот — Марков. Не самый красивый, не самый молодой, но вдруг мне очень нужный. Я люблю смотреть, как он пьет

чай — в огромных, просто промышленных масштабах. Ну, это неудивительно, он чайный король. Я люблю наблюдать, как он смотрит новости или лениво просит: расскажи мне что-нибудь, а я решу, интересно мне это или нет. И его глубоко посаженные голубые глаза смотрят иронично и весело. Он любит играть в теннис и дразнит меня — женщина с больной спиной в теннис не играет! Он ходит на лыжах и ездит в Швецию на какой-то марафон... А я эту Швецию только на картинках видела. Я вообще все видела только на картинках и рядом с ним чувствую себя дворняжкой, пригретой из милости, — возможно, это так и есть.

Конечно, я этого не показываю, мы же друзья — Марконов делится со мной какими-то своими мыслями и таскает к врачам и в бассейн, иногда я ночую в его гостевой спальне, но это все. И когда мы, попив чаю и поговорив, расходимся по комнатам, он понятия не имеет, что я потом полночи рыдаю. Потому что он меня как женщину не видит вообще, в упор. Я просто хороший друг, а это очень больно, когда любишь.

А дома близнецы. И на работе шеф. И восемнадцать лет назад погиб Клим. И постоянное балансирование на грани гуманитарной катастрофы — главное, чтобы никто не знал, на вид-то у меня все зашибись, остальное спрячем.

И нет ни солнца, ни облаков, ни ветра. Никогда нет, в принципе. Какая там Швеция...

— Люша, ты спишь?

Это Марконов. У него есть собачка — Люша, и когда мы полгода назад начали с ним общаться, он стал называть меня так, а потом я узнала о собачке. Он, конечно, не специально — и собачка живет у его бывшей пассии, хотя он любит ее... Собачку, в смысле. Хо-

тя, наверное, и пессию тоже. Но я отзываюсь на эту кличку, почему нет? Собаки — милейшие люди, чего обижаться.

— Почти. Только что из душа.

— Все в порядке?

— Ага.

Он никогда не говорит «в порядке» — только «в порядке», но мне нравится. Мне все в нем нравится.

— Давай завтра пообедаем, я заеду.

— Ага, позвони. Я не знаю, где я буду.

Марконов хмыкнул и отключился. Господи, за что мне это? Я вот одного не понимаю: а что, мой план насчет личного счастья у вас на небесах считается чем-то ненормальным, что меня вот так мордой в грязь надо каждый раз макать? Иначе как объяснить тот факт, что за всю жизнь, с тех пор, как погиб Клим, мне ни разу не встретился нормальный мужик? А когда наконец появился Марконов, то я оказалась ему не нужна. Как он говорил: если нет «химии», внутренний мир уже не интересуется, а со мной у него этой «химии» нет, хотя мой внутренний мир он регулярно ковыряет в поисках новых впечатлений. Марконову скучновато, а я его забавляю.

Он интересуется моими мыслями по разным вопросам, а мне бы хотелось, чтоб мои сиськи его тоже интересовали. Какая-то «химия» наоборот у нас с ним. Правда, мне совсем не весело от этого, потому что как-то зимой я гостила у него и вечером намазала ему лицо специальной мазью от трещин — на лыжах он перемерз, и его лицо с немного отросшей щетиной было совсем рядом, я касалась его пальцами, а он сказал:

— Спасибо, Люша, ты настоящий друг.

И я, пожелав ему доброй ночи, ушла на свою кровать в гостевую спальню. Я даже плакать тогда не

могла. И поняла, что больше не могу это выносить. И пусть теперь шеф звонит, как маньяк, пусть близнецы соревнуются в придумывании для меня новых пыток — завтра все закончится.

Загромычала музыка — близнецы решили меня ползить. Знают же, что я не выношу этого грохота. Боль в спине становится совсем невыносимой, голова трещит от непролитых слез, в глаза словно кто-то песка насыпал, и очень пить хочется, но встать тяжело — спина очень болит.

— Ладно же.

Я сползаю с кровати и на четвереньках отправляюсь на кухню. Когда у человека межпозвоночная грыжа, он часто передвигается вот так, а у меня эта самая грыжа и есть, и иногда я тоже ползаю под смешки близнецов. Да, они правы, труд сделал из обезьяны человека, а из меня — четвероногое. Как вышло, что им весело, когда мне больно? Я не знаю. А теперь оно уже и неважно.

Чашка стоит на столе, и до нее нужно дотянуться — но боль в пояснице настолько сильная, что подняться я не могу, а рука не достает. Вот так если, чуть-чуть...

Кто-то очень умный изобрел неразбивающиеся чашки. Музыка грохочет в висках, чашка на полу, а боль в пояснице пронизывает все тело. И хочется пить. И некуда идти, тупик. Просто некуда идти.

Я склоняюсь на табурет, опираюсь об него грудью — и поднимаю чашку. Только пользы никакой, до крана я не дотянусь, надо встать, а встать я не могу. Там, на полке, лекарства — и до них я дотянуться не могу. А мне нужно быть на ногах, завтра — обязательно. Много дел перед смертью накопилось, вот что.

В дверь звонят неистово и долго — но я не могу открыть. Музыка громыкает в каждом ударе серд-

ца, стены плывут, я словно на карусели — и тошнит так, словно токсикоз начался или мармеладку съела. И звонок в дверь рвет мне мозг в клочья.

— Дэн, открой, что ли, — маман объявила забастовку.

Я слышу Денькины шаги, потом щелкнул замок, слышен голос соседки — она кричит, Денька что-то ей отвечает, но все это словно сквозь вату. А потом меня вырвало, из носа хлынула кровь. Я не знаю, что со мной — возможно, Бог меня услышал и решил не доводить до греха, забрать как есть.

— Мать, ты что?.. Дэн, брось эту суку и тащи сюда свою задницу!

Матвей пытается меня поднять, но боль в спине становится совсем невыносимой.

— Не надо... Иди к себе, сынок, я сама.

— Мам, ну ты что?

— Иди, идите оба к себе, я...

Близнецы поднимают меня, Денька вытирает лицо мокрым полотенцем.

— Мам, ну ты что это?..

— Надо «неотложку» вызвать, — Матвей испуганно смотрит на меня. — Дэн, будь с ней, я сейчас...

— Не надо. Идите оба к себе, я сама.

— Ага. Ты все сама.

Боль в спине тяжелая и густая, дышать нечем, и мир вокруг отчего-то серый и кружится.

— Едут уже, давай перенесем ее в спальню.

— Мэтт, у нее спина снова болит, как перенесем?

— Неси дачный матрац.

— Эй, ребята, вы меня слышали? Идите к себе, я в порядке.

Меня никто не слышит. Матвей кладет на пол дачный матрац, живущий у нас на балконе — все не отве-